

Н. П. Антропов

Институт языкознания
имени Якуба Коласа
Национальной академии наук
Беларуси
(Минск, Беларусь)

«ГУСКА СОЛОГАЯ»
В СВЕТЕ ПОЛНОГЛАСНЫХ
СОЧЕТАНИЙ МОДЕЛИ *TELТ

Среди новгородских берестяных грамот есть одна, а именно № 330, содержание которой, несмотря на совершенно семантически прозрачное сказуемое в основной части — законченном простом предложении, в целом по-прежнему представляет собой своеобразную «глокую куздру» из-за не вполне проясненных или даже просто неясных остальных его элементов: лексем, определенно выступающих в качестве подлежащего, определения к нему (или его атрибутивной части) и прямого дополнения к сказуемому. Вот прорись этой грамоты по [НГБ VI: 19]:

А. В. Арциховский в комментарии к грамоте делит на слова только первое предложение в левом верхнем углу наружной стороны («Первая строчка легко делится на слова»), т. е. формулу зачина **ГН ПОМОЗИ РАБЪ СВОЮМЪ**, где, как он отмечает далее, «ГН — обычное сокращение слова “господи”». Далее следует примечательное заключение: «Затем

не все слова понятны» [Там же: 18]. Все эти слова (но без словоразделов) в четырех строчках подаются так, как в грамоте:

гѸскасологаагѸска
 гоꝝкбає
 рас
 лꝛкоххѸстѸ

Следующая попытка интерпретации грамоты состоялась более чем через два десятилетия, когда к ней наряду с другими четырнадцатью берестяными текстами обратились В. Орел и А. Кулик [Орел, Кулик 1995: 386–387]. Справедливо отметив, что, «судя по молитве в 1-й строке и по начальным буквам азбуки на обороте, надпись выполнена ребенком», соавторы разделили текст на слова:

1: ГН ПОМОЗН РАБУ СВОЕМУ
 2: ГУСКА СОЛОГАА ГУСКА
 3: РАГОЗУ ЄБАЄ
 4: ...ЗАЛАКОХ ХУСТУ

Предложен и перевод: «Строки 2–4 образуют хорошо читаемый и чрезвычайно непристойный текст: ‘Задница, сладкая задница совокупляется с непоседой... задрал(а) штаны (?)’» [Там же: 386]. Далее такая интерпретация текста обосновывается следующими соображениями:

1) в прилагательном **сологаа** ‘сладкая’ усматривается «вторичное аналогическое образование от формы сравнительной степени *слаже*, *соложе*»;

2) в слове **рагоза** соавторы видят отмеченную В. И. Далем для *рагоза* семантику ‘свара, ссора, брань, прях (...) сварливый, неуживчивый человек’;

3) из Даля же и слово *хуста* ‘кусок, холста, ширинка, платок (...) мн. порты, бельё’;

4) отмечено, что «совершенно оригинальный характер имеет глагол (*за*)*лакати* ‘задрать’» [Там же: 386–387].

Первые две позиции, т. е. семантика прилагательного **сологаа** ‘сладкая’ и непонятно откуда взявшееся **рагоза** при **гоꝝ** и под ним **рас** делают перевод по меньшей мере сомнительным, на что достаточно скоро обратил внимание А. А. Зализняк, см. [Попр.—Х: 99–100]¹.

¹ В частности, по второй позиции: «Предложенное авторами чтение отрезка *гоꝝ* вместе с написанным ниже (мелкими буквами) отрезком *рас* как *рагоꝝ* принять невозможно: никаких аналогов такого способа записи в бере-

Им же, но позже лингвистического разбора грамоты, предложена новая разбивка текста на слова, хотя, разумеется, в [Попр.—X] использовалась именно она:

«№ 330 ([уточн.] посл. треть [предпочт. посл. 20-летие] XIII в., Нерев. И²): ги помози рабѹ своѹмѹ |; другая запись: гѹска сологаѹ гѹска | гоꝝѹ кѹае | рас |... [ꙗал]ѹко {ꙗ}ꙗѹстѹ; оборот: а в в г д. См. Попр.—X» [Зализняк 2004: 519].

А. А. Зализняк тщательно анализирует наиболее важные для понимания текста лексемы *гоꝝѹ* и *сологаѹ* (подробнее см. ниже), но нового перевода всё-таки не предлагает, а выдвигает две гипотезы «относительно синтаксической организации записи в целом». Суть первой состоит в следующем. Первая строка, т. е. *гѹска сологаѹ гѹска*, по его мнению, «может быть самостоятельным назывным предложением (вводящим тему или просто восклицательным), которое подхватывается во второй строке повторяющим его словом *гоꝝѹ*³», откуда вывод: «в этом случае перед нами дразнилка, высмеивающая действия не называемого персонажа» [Попр.—X: 100]. Важно отметить, что первая гипотеза относится к части текста до *рас*, следующая, собственно, обрывок *рас |... [ꙗал]ѹко {ꙗ}ꙗѹстѹ*, о семантике которого можно только высказывать предположения различной эвристической ценности, не рассматривается. Вторая гипотеза: «другое синтаксическое решение состоит в том, что первая строка содержит подлежащее всей фразы, а всё в целом — это словесная игра, использующая эффект обценности, умноженный на эффект абсурда» [Там же: 100], причем «эффект абсурда» может быть, как представляется, связан исключительно с асемантической частью текста от *рас* и далее.

И, наконец, общий вывод: «В любом случае есть все основания полагать, что писавший не сочинил этот текст, а лишь записал готовое народно-поэтическое произведение типа дразнилки. Возможно даже, что созвучие между словами *гѹска* (в конце первой строки) и *ꙗѹстѹ*

станых грамотах нет (не говоря уже о том, что авторы почему-то приняли во внимание только две буквы из отрезка *рас*). Буквы *рас* явно надписаны сверху над следующей строкой. А именно над оторванной ее частью» [Попр.—X: 99].

² Усадьба И Неревского раскопа.

³ Вероятно, это повторение связано с тем, что «слово *гуска* допустимо усматривать <...> в записи *гѹска*» [Попр.—X: 99]. Оно же, трансформированное озвончением (но всё-таки со знаком вопроса), представлено в «Словозказателе к берестяным грамотам»: «*гꙗꙗꙗ жс.: И.ед. гѹска 330 (2х) (?)*» [НГБ VIII: 273; то же: Зализняк 2004: 729].

(в конце третьей) не случайно, а представляет собой рифму (ударение в обеих этих словоформах падало на первый слог)» [Там же: 100].

Наверное, подобное прочтение текста возможно, хотя, безусловно, вопросы всё-таки остаются, особенно если учесть, что текст, судя по всему, написан ребенком, а детское восприятие действительности обычно прямое («что вижу, о том и пишу»), а не умозрительное — с использованием устойчивых языковых клише, к которым следует отнести «готовое народно-поэтическое произведение типа дразнилки». Полагаю, что в связи с этим соображением первую часть текста (до надстрочного рас) следует разделить по-иному, а именно в реконструкции, предложенной А. А. Зализняком, переставить знак разделения частей, именно **гўска сологал | гўска гозў кѡае**, где первая часть представляет собой номинативное предложение (как и в интерпретации А. А. Зализняка), а вторая — простое двусоставное с прямым дополнением. Но возможно, и, не исключено, даже предпочтительно, объединение этих двух предложений в одно с повторяющимся подлежащим в функции своеобразного уточнения (точнее, его номинативной частью, если в **гўска сологал** видеть цельное словосочетание), т. е. **гўска сологал | гўска | гозў кѡае**, или же, но менее вероятно, в соответствии с реконструкцией В. Орла и А. Кулика, — **гўска | сологал гўска гозў кѡае**.

Понятно, что сказуемое со значением ‘futuere; coire’ требует маскулинного субъекта действия, и таким субъектом может быть только синтаксически неделимое словосочетание **гўска сологал** в функции подлежащего, несмотря на его формальный женский род, а не некий, по мнению А. А. Зализняка, не называемый персонаж. Хотя, безусловно, основная семантическая нагрузка падает здесь на адъектив, следует прояснить прежде всего семантику номинатива **гўска**. И В. Орел—А. Кулик, и А. А. Зализняк определяют слово как вариант **гўзка** с естественным в этой позиции оглушением звонкого свистящего и значением (здесь основным) диминутива к ⁺гўзь/⁺гўза⁴ (< *gǫzь/*gǫza/*guzь⁵) ‘задняя часть, зад, apus и под.’, см. выше в переводе В. Орла и А. Кулика: «задница, сладкая задница...». Но по-

⁴ Исторические словари, отражающие лексику древнерусского языка, лексему не фиксируют, однако она легко восстанавливается по производным, ср., напр., **гузно** ‘задняя часть тела у человека или животного’ [Сл. РЯ XI—XVII вв., 4: 155] (конец 15 в.). По более позднему письменным свидетельствам приводится и «**гўзка** (гуска)... 1. Хвостовая оконечность тела птицы, рыбы, насекомого <...> 2. Нижняя, задняя часть чего-л.» [Сл. РЯ XVIII в., 6: 9—10].

⁵ См. [ЭССЯ, 7: 91—92] с соответствующей семантикой большой группы славянских континуантов.

добное толкование вряд ли возможно, так как семантика сказуемого **кбае** предельно однозначна и связать лексемы с этими значениями невозможно без гипотез, весьма далеких от реальности (ср. перевод В. Орла и А. Кулика). Остается предположить, что **гўска** в словосочетании **гўска сологаал** имеет прямое отношение к домашнему птичьему миру, т. е. к гусям и/или уткам. Но в этом случае как раз адъективная часть **сологаал** должна содержать семантику активной маскулинности. Такую единственно возможную семантическую характеристику — в прямой связи с совершенно прозрачным сказуемым — может иметь, как представляется, исключительно самец домашней водоплавающей птицы, т. е. селезень. И если признать за словосочетанием **гўска сологаал** значение ‘селезень’ при том, что, как уже было отмечено, основную нагрузку несет здесь адъектив, то общая семантика предложения **гўска сологаал гўска гоꝝꝛ кбае** в целом прояснится: «Селезень [futuit] гоꝝꝛ». Однако такая возможность пока не была обсуждена.

Разумеется, нуждается в верификации прямое дополнение **гоꝝꝛ**, без которого невозможно завершение перевода; в данном случае следует принять версию А. А. Зализняка, который видит в нём «В. ед. от неизвестного слова *гоза*» и продолжает: «Если допустить колебание между безударным *о* и *у*, можно предположить здесь слово *гуза́* — исходного для хорошо известного уменьшительного *гузка* ‘задняя часть’ (особенно у птицы), ‘зад’ с отсылкой к ЭССЯ (см. выше) и сноской: «Впрочем, ввиду неполной ясности рассматриваемого текста в целом, полезно учитывать также существование русск. диал. *гу́за и гуза́* ‘неповоротливый, медлительный, мешковатый человек’, ‘лентяй’ <...>» [Попр.—X: 99]. Это дополнение не представляется обязательным, так как отмеченная семантика носит явные следы метафоричности. Зато в нужном контексте весьма показательны территориально близкое псковское *гу́зка* ‘конец, отверстие прямой кишки у птиц, рыб’ [СРНГ, 7: 207], а также несколько более отдаленное ярославское устойчивое бранное выражение *гу́зя мокрый, гу́зеве мокрое*, которое автор записи — местный этнограф И. В. Костоловский — выводил от слова *гу́зовка* ‘нижняя часть снопа’, что, учитывая обценный характер выражения, не представляется вполне точным⁶, ср. здесь же тек-

⁶ На вторичность значения ‘нижняя часть снопа’ по отношению к ‘задняя часть тела; ягодицы’ обратил внимание А. Б. Страхов [2004: 270]; см. также [Аникин, 12: 208]. К семантике, учитывая адъективы с основой *мокр-*, следует также добавить значения ‘anus’ и, возможно, ‘vulva’, ср., например, *мокрохвостка*, совершившее дрейф от обценной номинации к слову «жаргонизированной разговорной речи» [Мокиенко, Никитина 2000: 354].

стовую иллюстрацию: *Ишь ты налопался, как гу́зево мокрое* [Там же]. Таким образом, приведенного для *гозѣ* материала достаточно, чтобы завершить перевод законченного предложения грамоты № 330: ‘Селезень [futuít] гуз/(гузку)’.

Однако вернемся к обсуждению адъективной части подлежащего *гѣска сологаа*. В. Орел и А. Кулик определяют значение прилагательного *сологаа* как ‘сладкая’ и связывают его с формами сравнительной степени *слаже*, *соложе* через несколько вычурное «вторичное аналогическое образование» (см. выше). А. А. Зализняк, отметив, что в первой части текста «наиболее загадочно слово *сологаа*», справедливо считает интерпретацию его В. Орлом и А. Куликом как ‘сладкая’ сомнительной, так как она «наталкивается на слишком серьезные формальные трудности», допущение которых (в частности, возможность «редкостного» рефлекса $z < dj$ ⁷) приводит в конечном итоге «к не имеющей никакого правдоподобного морфологического объяснения форме **soldjaja*» [Попр.—X: 99–100].

В качестве «альтернативной гипотезы» А. А. Зализняк предлагает «интерпретацию этой словоформы как И. ед. жен. от *су-лог-ыи* (или *сѣ-лог-ыи*) ‘разделяющий ложе’», приводя несколько соответствующих славянских параллелей, что в конечном счете позволяет ему реконструировать «славянское **sѣ-log-ѣ* (и **sѣ-log-ѣ*)», которое

⁷ В берестяных грамотах находится только один пример подобного рода (грамота № 717), а именно *ноугене* ‘очень’, ‘сильно’ из **нидѣн-*, подробнее см. [Зализняк 2004: 47–48]; далее ссылка на две работы С. Л. Николаева конца 80-х — начала 90-х гг., в которых обосновывается и развивается эта тема. В теоретическом плане иначе в [Крысько 1994: 32–33]; критический разбор номинаций с предполагаемым переходом $z < dj$ [Николаев 1988: 133–135], см. в [Страхов 1994: 253–261]. Однако не вполне ясно, что конкретно имеется в виду в данном случае — возможно, связанные с *солод-* номинации со «сладкой» семантикой корня типа ярсл. *сологѣр*, *сологѣр* ‘корневище тростника’, *сологѣрья* ‘корни камыша, выносимые весной льдом на берег, сладкие на вкус’ [ЯОС, 9: 57] или та же основа с локальным значением ‘рассол’ вроде новг. *сологну́хи* ‘грибы, пригодные для солки (рыжики, грузди и т. п.)’ [СРНГ, 39: 280]; ср. семантически близкое бел. диал. *салодны* ‘соленый’ [Сл. ПЗБ, 4: 355–356]. Справедливости ради следует отметить (и не исключено, что В. Орел и А. Кулик представляли как раз подобное развитие) вероятность реализации в говорах также естественной для соединения *d* и *z* диерезы конечного согласного первой основы (*солод-*) при сложении двух, ср. волог. *сологу́зник* ‘привередливый, разборчивый в еде человек’, *сологу́зница* ‘привередливая, разборчивая в еде женщина’ с дальнейшим развитием экспрессивной семантики: ‘непоседливая, бойкая, разбитная женщина, девочка’, ‘смешливая женщина, хохотунья’ [СВГ, 10: 73].

возможно («хотя здесь и необязательно») — через греческие и латинские соответствия вывести на индоевропейский уровень; подробно см. [Попр.—Х.: 100]. Эта в целом убедительная гипотеза для др.-рус. *сѣложь/сѣложь* ‘супруг, супруга’ [Срезневский, III: 617⁸] из реконструируемых **сулогыи/*сѣлогыи* имеет лишь один, но, увы, определяющий недостаток — не поддающуюся сколько-нибудь реальному объяснению связь с семантикой первого слова в словосочетании, т. е. *гѣска* (или даже с «восстановленным» *гѣзка* — как в «Словоуказателе»).

Если возвратиться к высказанному выше предположению о связи лексемы *сологаа* с семантикой ‘самец домашней водоплавающей птицы; селезень’, следует обратить внимание на полногласное сочетание *-оло-* в корне *солог-*. Элементарная реконструктивная процедура приводит вначале к адъективному корреляту м. р. **сологый* < **solog(ŋj)* и далее к двум возможным для восточнославянского сочетания модели *tolot* производящим основам **solg-* и **selg-*, общим номинативным продолжением которых в восточнославянских языках было бы **sologь/*сологь* (> **солог*) ‘селезень’. Но если рефлекс **solg-* с соответствующей либо близкой семантикой в южно- и западнославянских языках (т. е. лексемы с основами **slag-* и **slog-⁹*) не обнаружены, то аналогичные корреляты для **selg-* с переходом по второй палатализации заднеязычного взрывного в свистящий, а именно **selz-* со значениями ‘селезенка у человека и животных’ (особенно частыми)¹⁰, ‘мальва’ и, наконец, ‘селезень’ хорошо известны и широко распространены, о чем, в частности, свидетельствуют материалы (национальные индексы) по вопросу F 1660 «*selzena* || *solzena* селезенка — *slezina, slezena* — *śledziona*» [Вопросник ОЛА: 136] и карта № 67 в [ОЛА ФГ, 9: 164–165].

⁸ Примечательно, что в [Сл. РЯ XI–XVII вв., 29] эти слова не приводятся.

⁹ Разумеется, сюда не относятся случаи с позднейшим диалектным развигением вокала.

¹⁰ К **selz-* следует отнести белорусские диалектные гапаксы *салѳіца, салѳаўка* ‘селезенка’ («У каня <...> *салѳаўка грае*»), зафиксированные только в одном источнике, см. [Ластоўскі 1924: 645], которые [ЭСБМ 12: 52] не вполне корректно возводит к этимону с иным суффиксом, именно **selzena*, продолжением которого было бы **салѳіна* с заударной трансформацией суффиксального *-e-*. Но в любом случае, возможность типологического схождения с новг. *сологаа* очевидна. Следует только иметь в виду существенное авторское начало, достаточно часто проявляющееся в словаре В. У. Ластовского, ср.: «Слоўнік В. Ластоўскага мае выразны індывідуальна-творчы характар...» [Вячорка, Шупа 1994: 288].

Как раз *selg- в отрицательном смысле, в качестве нереализуемой возможности развития неполногласного сочетания модели *telt* в восточнославянских языках, упоминает М. Фасмер, ср.: «селезень, род. п. -зня, диал. *célex* — то же, укр. *селезень*, род. п. -зня, диал. *célex*, др.-русс. *селезень*. || Неудовлетворительна реконструкция *selg-¹¹, потому что из последнего получилось бы *солог...» [Фасмер, 3: 595], — т. е. именно словоформа, реконструированная выше из *СОЛОГАА*.

Если обратиться к хрестоматийным схемам описания результатов развития в (пра)восточнославянских диалектах дифтонгических сочетаний с плавными *or, *ol, *er, *el в интерконсонантных позициях в русле тенденции праславянского языка к открытому слогу, то необходимо кратко констатировать следующее: процесс преобразования первых трех видов этих сочетаний, т. е. *tort, *tolt, *tert, проходил по общей модели, когда появлявшийся в полногласном сочетании второй гласный звук был по качеству идентичен первому: *tort > torot, *tolt > tolot, *tert > teret¹². Иная картина наблюдается в развитии сочетания *telt, где ожидаемое и в определенном смысле естественное *telet* появляется не всегда, а фактически факультативно и как будто бы только тогда, когда первый и последний консонанты слоговой группы *telt были мягкими (или смягчались перед гласными переднего ряда), ср., например, *s'elz'ena → *selezena (> *selezēnka). В большинстве других лексических позиций *telt развивалось аналогично модели *tolt, т. е. в группу tolot, кроме случаев, когда первый консонант был заднеязычным и в результате первой палатализации преобразовывался в мягкие шипящие ž', š' и аффрикату č', после которых переход e > o был невозможен¹³. Таким образом, обобщенно схему развития *telt можно представить как *telt > telet/telot/tolot, где *telet* и *telot* возникают только как позиционно обусловленные варианты основной, т. е., как

¹¹ Кстати, именно такую производящую основу еще в конце XIX в. предположил Н. В. Горяев [1896: 316]: «Селез-ен-ь, областн. селех-ъ, малор. селыкъ, селэх-ъ, селезень, пол. ślizeń, изъ *slezień; лат. seležianus, zelzines отъ кор. *селг-<...>».

¹² Последующие изменения вокальных элементов этих сочетаний, а именно сужение гласных, аканье / яканье, нулевая редукция и др., обусловлены позднейшими фонетическими процессами в отдельных диалектах и их группах.

¹³ Разумеется, впоследствии после отвердения аффрикаты и шипящих изменение e > o стало возможным также в первом слоге полногласного сочетания, ср., например, с одной стороны, др.-рус. **жеლობъ** («Александрия Сербская» кон. XV в.: Сл. РЯ XI–XVII вв., 5: 84), а с другой — ст.-укр. и ст.-бел. **жолобъ** (кон. XV и нач. XVI вв.).

утверждается в литературе, прежде всего учебной¹⁴, рефлексации *telt* > *tolot* с иллюстрациями вроде наиболее частотной **melko* > *молоко*¹⁵.

Между тем представление о переходе **telt* > *telet/telot*, обусловленного только качеством согласных, обрамляющих дифтонгическое сочетание, нуждается в коренном пересмотре, что показали недавние исследования лексических (этимологических) гнезд **telp* (//**tɛlp*/**tɔlp*) и **selp*, проведенных А. И. Илиади [2014] и Л. В. Куркиной [2018]. При этом А. И. Илиади, подробно освещая этимологию и семантику представленных гнезд и генетически (или семантически) связанных с ними корневых континуантов, обращает далее внимание еще на 5 лексем, относящихся «к той немногочисленной группе слов, которые демонстрируют вост.-слав. отражение группофонемы *telt* не в виде ожидаемого «классического» *tolot*, как в *молоко* < **melko*, а в виде *telet*», а именно: **belbenʹ* (> укр. диал. *бѣлѣбенʹ* ‘возвышенное и открытое место’), **čelnʹ*, **čelnʹkʹ* (> рус. диал. *челенó* ‘звено бревен в плоту’, *челень* ‘количество паев в поле’, укр. диал. *челенок* ‘в пальце: кость, сустав’), **želsti* (> рус. *желести* ‘платить, искупать вино’), **želd-* (> рус. *ожеледица*, укр. *бжелѣдь*, *ожелѣда* ‘гололедица’), наконец, **teltenʹ* при укр. *Телемень* — название притоков нескольких рек¹⁶.

Однако как бы ни была немногочисленна группа слов, о которой пишет А. И. Илиади, она, как показывает материал (обще/пра)славянских словарей [ЭССЯ; SP; Derksen 2008] и этимологических словарей отдельных славянских языков, также может быть дополнена¹⁷ а) номинациями с однородным развитием **telt* (восточнославянские континуанты с рефлексом *-ele-*): **belna* / **belnʹ* (> *беленá*)¹⁸ ‘белена;

¹⁴ Сравнительно недавно на это было обращено внимание, см. [Илиади 2014: 117] со ссылками на известные учебники по исторической грамматике (истории) русского языка Л. П. Якубинского, П. Я. Черных, В. В. Иванова. Любопытно, однако, что в некоторых новых учебниках, например [Колесов 2008: 56–61], вопрос о полногласной трансформации **telt* просто опускается.

¹⁵ По поводу этой пары см. любопытный пассаж у А. А. Потебни: «Если спросим себя, как *еле* напр.[имер] в предполагаемом *мелеко* могло перейти в *молоко*, то удовлетворительную аналогию для этого перехода будет очень трудно найти» [Потебня 1876: 160].

¹⁶ В качестве иллюстраций приводятся только отдельные восточнославянские продолжения реконструированных праславянских форм с минимальной семантической характеристикой; полностью см. [Илиади 2014: 116–117].

¹⁷ Нижеследующие примеры подробно рассмотрены в [Антропов 2020].

¹⁸ В качестве иллюстраций приводятся только русские наименования (преимущественно диалектные).

паслен'¹⁹; *melnъ/*melnъ/*melna (> *mélen*, *méлень*, *méлена*) 'рукоятка (ручка) жернова и под.; жернов; мельница'; *želza (> *желзá*) 'железа (в разных значениях)'; б) номинациями с неоднородным развитием *telt (восточнославянские континуанты с рефлексом *-еле-* / *-оло-*): *melnyje (> *мелёнье* и *молóнье*) 'смалывание на мельнице; помол; размол'; *melvo (> *мéлево* и *мóлово*) 'помол, процесс помола; зерно для помола', 'что мелется, будет молотья или смолото; мука' и под.; 'рукоятка жернова ручной мельницы'; в) номинациями с неоднородным развитием *telt (восточнославянские континуанты с рефлексом *-еле-/ -ело-/ -оло-*): *pelva (> *пéлёvá*, *пéлёvá* и *пóловá*) 'мякина, полова; отходы при провеивании зерна, молотье'. Всё это позволяет утверждать, что развитие полногласия в восточнославянских языках по модели *telt > *telet/telot* является столь же закономерным и даже обычным, как и постулируемый до сих пор в литературе переход *telt > *tolot*.

Это отступление представилось необходимым, чтобы, вернувшись к теме, предположить возможность наличия коррелята с корневым *-еле-* к реконструированному выше *sologъ/*sologъ (>*solog) 'селезень'. Таким вторым элементом коррелятивной пары может быть, естественно, только *сéлег*. В отличие от гипотетического *solog, не фиксируемого ни в памятниках письменности, ни в диалектах даже в виде гапакса, не имеющего дериватов, исключая производный адъектив берестяной грамоты *солога.а*, лексема *сéлег* (<*селегъ), хорошо известна в ряде фонетических вариантов и распространена сравнительно широко (но всё-таки в отдельных восточнославянских диалектных регионах), в особенности ее лексикализованный вариант с оглушением финального взрывного после утраты конечного редуцированного — именно *сélex*²⁰, едва ли не постоянно упоминаемый в этимологических словарях в качестве словообразовательной пары к *сéлезень*, ср., например, процитированную выше статью из словаря М. Фасмера.

Высокая вариативность словоформы *сéлег* обусловлена, разумеется, очевидными факторами: ударением на первом слоге и, в связи этим, девиациями заударного *-e-*, переносом ударения на второй слог и, в связи этим, девиациями предударного *-e-*, отвердением

¹⁹ Здесь и далее приводятся только основные значения.

²⁰ Уже А. А. Потебня подчеркивал связь этих наименований, ср.: «Мр. [малорусское — Н. А.] *селехъ* (изъ *селегъ*)...» [Потебня 1876: 167] — вначале со знаком вопроса, а несколько позже уже определенно: «<...> *селех* (т. е. *селег*)...» [Потебня 1879: 6].

начального *с-* и срединного *-л-*, а также оглушением конечного *-г*. Все эти теоретические возможности реализованы во впечатляющем количестве вариантов (9 в белорусских и 23 в украинских говорах), ср. в белорусских: *сэлях, сэляг, сэлях, сэлег, сэлёг, сэлёх, сэлюх, сэлюх, сэлюхь* [ЛАБНГ, 1: 59; Климчук 1968: 67; НЛ: 77, 98; Никончук 1968: 461; Никончук 1979: 194; собств. записи]; в украинских: *сэлег, сэлег, сэлех, сэлех^с, сэлех, сэле^г, сэли^с, сэлиг, сэлек, сэлик, сэлих, сэлих, сэлёх, сэл'о^х, сэлюх, салюх, сэлях, сэляг, сэлях, селях, сэлах, сэлах, сэлох* [АУМ, 1: 68, 2: 74, 3: 25, 52, 117; Лисенко 1974: 192; Никончук 1979: 194]. Географическое распространение приведенных номинаций показывает, что подавляющее количество фиксаций приходится на два региона: Полесье (точнее — белорусскую и украинскую части западного и восточного Полесья), а также левобережье центральной Украины, см. [АУМ, 1: карта № 322 'селезень (*Anas platyrhyncha domestica*)', 2: карта № 333 'качур', 3: карты №№ 111 'селезень (*Anas platyrhyncha domestica*)', 118 'качур (*Anas platyrhyncha domestica*)'; ЛАБНГ, 1: карта № 96 «Качар»].

Иная ситуация с отражениями *сэлег* в русских говорах²¹, где фиксации единичны и при этом сомнительны в плане исконности. В. И. Даль в статье «Селезень» [Даль, 4: 119] приводит *сэлех* в значении 'утиный самец' и с пометой «ниж.-сем.», т. е. Семеновский уезд Нижегородской губ. Но, по данным «Энциклопедического словаря» Ф. А. Брокгауза и А. И. Эфрона [ЭСБЕ XXIX: 432–435], значительную часть населения и города Семенова, известного с 18 в. («сперва это была деревня, заселенная раскольниками, бежавшими от преследований»), и Семеновского уезда (со старообрядческими селами по реке Керженец) составляли старoverы. Если же учесть время основания Семенова, то не исключено, что какую-то часть (возможно, и основную) переселенцев, последователей древлеправославной веры, составляли выходцы из Ветки (ныне Гомельская обл. Беларуси), подвергшиеся дважды, в 1735 и 1764 гг., т. н. «выгонкам», организованным Екатериной II, в результате которых до 40 тысяч их насельников были изгнаны с родных мест. Такого же рода, вероятно, *сэлех (сэлих)* 'селезень; самец дикой утки', отмеченный в Мордовии в селе Суподеевка [СРГТМ: 1132]. Других фиксаций не обнаруживает даже

²¹ В известной «Программе собирания сведений для составления диалектологического атласа русского языка» 1947 г. вопроса о названиях селезня нет, поэтому, естественно, нет и соответствующей карты в обоих лексических выпусках атласа.

весьма репрезентативный «Русский диалектный гизаурус». Таким образом, можно констатировать отсутствие лексемы *сѣлег/сѣлех* на русской диалектной территории²², где основной номинацией со значением ‘самец водоплавающей птицы’ является фактически безальтернативный *сѣлезень*.

Между тем традиция связывать оба наименования, т. е. *сѣлег/сѣлех* и *сѣлезень*, идущая от А. А. Потебни и Н. В. Горяева, оказалась востребованной в этимологических словарях восточнославянских языков, в том числе русских, однако, если предшественники представляли эту связь в структурном и, разумеется, семантическом аспектах вне деривационной иерархии (производное — производящее²³), то последователи, начиная от А. Г. Преображенского [Преображенский, 2: 272], апеллируют к А. Брюкнеру, который высказался в пользу вторичности *селех* по отношению к *селезень* следующим образом: «<...> Formen mit augmentativem und pejorativem Nebensinn, doch sei der Bequemlichkeit halber der Name Kurzform beibehalten. Ebenso alt ist <...> russ. <...> *selech* “Enterich” zu *selezeń* dass.» [Brückner 1910: 304]. Безусловно, объяснение причины появления краткой формы с полной утратой финали (суффикса?), т. е. совершенно внелингвистическое ‘удобство’ (*Bequemlichkeit*), едва ли может быть признано удовлетворительным.

На реальный статус сокращенной от *селезень* формы может претендовать рус. диал. (среднеобск.) гапакс *сѣлезь* с полным сохранением основы: *Утки бывали, селези* [СРНГ, 37: 131]. Еще более заманчиво было бы видеть в этой номинации прямой континуант исходного *selzъ (< *selzъ), но единичность фиксации и восточносибирская локализация делают это принципиально невозможным.

А. Г. Преображенский, ссылаясь, как было сказано выше, в конце словарной статьи «Сѣлезень» («Форма *селех* из *селезень*, как прах из прасол, лох из лосось и т. п.») на А. Брюкнера, рядом с ним также

²² В [СРНГ, 37: 129] находим самар. *сѣлегень* с пометой «фольк.[лорное]», однако сначала А. Б. Страхов [2004: 320], а затем В. В. Шаповал [2016: 235–236], подробно проанализировавший текст русской хороводной песни, опубликованной в 1862 г., откуда взяты и слово, и строфа в качестве иллюстрации, показали, что это типичный «лексикографический фантом» со смешением рукописного написания *г* и *з*.

²³ Ровно такой же позиции придерживается современный украинский этимологический словарь гнездового типа, в котором в статье «Сѣлезень» без каких-либо комментариев приводится несколько диалектных вариантов лексемы *сѣлег* [ЕСУМ, 5: 298]; ср. также [Шевельов 2002: 127].

упоминает раннюю работу Х. Педерсена, и можно предположить, что позиции двух ученых здесь если не одинаковы, то близки, но в оригинале находим нечто иное, а именно «<...> r. *selech* “Enterich” neben *selezень* ist mir dunkel <...>» [Pedersen 1895: 56]. Полагаю, что именно поэтому сомневающегося датского индоевропеиста более не вспоминали, причем даже исключительно корректный в ссылках М. Фасмер [Фасмер, 3: 595], см.: «Форма *célex* сокращена [в немецком оригинале «Kurzform». — Н. А.] из *céлезень*» с упоминанием только статьи А. Брюкнера. Белорусский этимологический словарь упрощает еще более: «Сéлех <...> Ад *селязень*, гл. (Брукнер... Фасмер...)» [ЭСБМ, 12: 50], — однако с продолжением «... з магчымым гіпакарыстычным -х- (-ch-)» и отсылкой к соответствующему подразделу очерка праславянского словообразования Ф. Славского в [SP, 1: 71]. Но Ф. Славский, отмечая в начале параграфа «Suf. -chъ», что «niewiele jest rzeczowników z wyraźnym suf. -chъ» [Там же: 70], среди перечисленных немногочисленных примеров лексемы *célex* всё-таки не приводит, так что идея гипокристики для этого слова не подтверждается.

Постулированную (но всё-таки лично для себя — «ist mir») Х. Педерсеном «темноту» в паре *célex* — *céлезень* осветил С. Б. Бернштейн, фактически разведя эти наименования во времени и пространстве: «Локального и сравнительно позднего происхождения восточнославянский *селезень*, имеющий и иную словообразовательную структуру (ср. укр. *селех*, умен. *селешок*)» [Бернштейн 1974: 166]. Безусловно, находящийся ныне в распоряжении исследователей геолингвистический и лексикографический материал позволяет уточнить характеристику «локальное», так как географическое распространение лексемы *селезень* и ее вариантов на всей исконной территории русских говоров, севере и востоке Беларуси, центре (кроме западной части), востоке (исключая Черниговщину) и юго-востоке Украины никак не может считаться локальным, если, конечно, не имелась в виду сугубо восточнославянская локализация наименования на общеславянском фоне.

Больше формальных оснований имеет тезис о сравнительно позднем происхождении *селезень*, хотя его восточнославянская география этому в принципе противоречит. Но действительно, и [Срезневский, 3: 325], и [Сл. РЯ XI–XVII вв., 24: 41], имея в виду один источник, а именно «Псковскую судную грамоту», относят это наименование к XV в. Немного позже фиксируется старобелорусское *селезень*, и тоже в памятнике права — «Статуте Великого княжества Литовского» 1529 г. [ГСБМ, 31: 195]. П. Я. Черных в этимологическом слова-

ре, ссылаясь на «Словарь древнерусских личных собственных имен» Н. М. Тупикова, отмечает, что прозвище *Селезень* и фамилия *Селезнев* также появляются в XV в. [Черных, 2: 151]. Но в словарной статье «Селезень» Н. М. Тупиков приводит еще более раннюю, конца XIII в. (1280 г.), фиксацию прозвища из Ипатьевской летописи (собственно, Волынской): «Отряди <...> Кафилата Селезенца»²⁴, воевода Волынский» [Тупиков 1903: 353], — где должно обратить внимание на волынскую (западнорусскую той эпохи) территориальную привязку наименования.

Однако, утверждая поздний характер появления лексемы *селезень* как возникшей исключительно на восточнославянской языковой почве, следует иметь в виду наличие структурно близких южнохорватских²⁵ диалектных коррелятов со значением ‘селезень’ («*mužjak od patke grivne*»), которые впервые ввел в научный оборот М. Хирц, а именно *slezen* и *slezenjak*, а также названиях самок селезня, т. е. уток, с этой же основой: *slezenka*, *slezinka*, *slezenjača* [Hirtz, II: 442]. П. Скок, ссылаясь на небольшую словарную подборку популярных названий птиц будущего епископа Дубровника М. Водопича [Vodopić 1880: 33], указывает также на наименование селезня с «чистой» основой, т. е. *sljez* [Skok, 3: 139]. В том же регионе (Konavle) почти через столетие известным хорватским орнитологом Д. Рущнером отмечен и его вариант — *šjez* [Rusner 1970: 196]. На «сербохорв. диал.» наименование обратил внимание в дополнении к словарной статье «Селезень» русского перевода словаря М. Фасмера О. Н. Трубочев, и почти невозможно представить, что С. Б. Бернштейн его не учел²⁶. Но тогда представляется вполне вероятным, что факт наличия прямых хорватских соответствий восточнославянским наименованиям мог осмысливаться ученым как местная узколокальная диалектная инновация позднего времени²⁷. Впрочем, это предположение о движении мысли С. Б. Бернштейна доказать, конечно, невозможно.

²⁴ Это сокращенная и неточная цитата из летописи, ср. оригинал: «Володимѣръ же ѡрѣди к њмоу люди добрыи и Кафилата. с ними же Селезенца» [в Хлебниковском и Погодинском списках — *селезенцы* — Н. А.] [ПСРЛ, 2: 882].

²⁵ В [Skok 3: 139] фиксации уточняются: «Kotari u Dalmaciji», «oko Nina, Dalmacija».

²⁶ Правда, и совершенно отрицать это также нельзя: в списке словарей к упомянутой монографии 1974 г. представлен не русский Фасмер, третий том которого увидел свет в 1971 г., а гейдельбергский оригинал 1950–1958 гг.

²⁷ Известно, что славяне начали заселять западное побережье Адриатического моря с VII в.

Изложенное позволяет с уверенностью констатировать поздне-праславянское диалектное — (пра)восточнославянское — развитие корня *selg- в обеих возможных полногласных реализациях, а именно *сологъ и селегъ, со значением ‘селезень; самец водоплавающей птицы’. Единственным продолжением первого наименования является адъектив **сологаа** новгородской берестяной грамоты № 330, который, таким образом, выводится из изоляции; континуанты второго широко представлены в украинских и белорусских диалектах. При этом их следует отделить от восточнославянских лексем, продолжающих праславянский корень *selz- (> селезень и вар.) с этой же семантикой, хотя, безусловно, предполагаемая генетическая связь *selg- и *selz- должна быть исследована особо²⁸. Столь же актуальной является интерпретация очевидной геолингвистической дистрибуции диалектных континуантов обеих корней.

И, наконец, открытым пока остается вопрос об этимологии и исходной семантике прасл. *selg- с учетом индоевропейских и, не исключено, ностратических соответствий. Во всяком случае, вызывают обоснованные сомнения его звукоподражательное происхождение [Фасмер, 3: 595; ЭСБМ, 12: 52], а также сопоставления с цветом мальвы [Skok, 3: 139], селезенки [Matzenauer 1892: 249; Черных, 2: 151] или желчного пузыря [Вайан 1960: 67].

Возможно, следует вернуться к существованию гипотезы, выдвинутой еще А. А. Потебней: «Мр. *селех* (из *селег*?) *селез-ень*, самец утки, может первоначально значить вообще самец <...>» [Потебня 1876: 167], — конечно, без приводимой им санскритской параллели (*сардж*), однако с поиском реальных соответствий аналогичного или близкого семантического наполнения в новейших источниках и литературе.

Литература

- Аникин, 12 — А. Е. Аникин. Русский этимологический словарь. Вып. 12. М., 2018.
- Антропов 2020 — Н. П. Антропов. Дифтонгические сочетания модели *telt: вновь о восточнославянских отражениях // Gwary Dziś. [Vol.] 12. Poznań, 2020. S. 95–107.

²⁸ Ср.: «Ще більші труднощі виникають у прикладах з *ele*. У загальне правило відносно добре вписуються такі випадки: діал. *célex* ~ *céлезень* ‘качур’ — рос. *селезень*, серб.-хорв. діал. *slezen* ~ *sljez* пасує з огляду на акцентуацію, але щодо дальших етимологічних зв’язків певності немає» [Шевельов 2002: 127].

- АУМ — Атлас української мови. Т. 1–3. Київ, 1984–2001.
- Бернштейн 1974 — С. Б. *Бернштейн*. Очерк сравнительной грамматики славянских языков: Чередования. Именные основы. М., 1974.
- Вайан 1960 — А. *Вайан*. Славянское название селезенки // Вопросы языкознания. М., 1960. № 6. С. 66–67.
- Вопросник ОЛА — Вопросник Общеславянского лингвистического атласа / Гл. ред. Р. И. Аванесов. М., 1965.
- Вячорка, Шупа 1994 — В. *Вячорка*, С. *Шупа*. Ластоўскі Вацлаў Юстынавіч // Беларуская мова: Энцыклапедыя. Мінск, 1994. С. 287–289.
- Горяев 1896 — Н. В. *Горяев*. Сравнительный этимологический словарь русского языка. Тифлис, 1896.
- ГСБМ, 31 — Гістарычны слоўнік беларускай мовы. Вып. 31. Мінск, 2011.
- Даль, 4 — В. И. *Даль*. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4-х томах / Под ред. [и с пред.] И. А. Бодуэна-де-Куртенэ. Т. 4. СПб.– М., 1909.
- ЕСУМ, 5 — Етимологічний словник української мови. Т. 5. Київ, 2006.
- Зализняк 2004 — А. А. *Зализняк*. Древненовгородский диалект. 2-е изд. М., 2004.
- Илиади 2014 — А. И. *Илиади*. Этимологический комментарий к нескольким славянским изоглоссам в труде А. А. Шахматова «К истории звуков русского языка» // Типологія мовних значень у діахронічному та зіставному аспектах: зб. наук. праць. Вип. 29. Вінниця, 2014. С. 111–120.
- Климчук 1968 — Ф. Д. *Климчук*. Специфическая лексика Дрогичинского Полесья // Лексика Полесья: Материалы для полесского диалектного словаря. М., 1968.
- Колесов 2008 — В. В. *Колесов*. Историческая грамматика русского языка. СПб., 2008.
- Крысько 1994 — В. Б. *Крысько*. Заметки о древненовгородском диалекте (I. Палатализация) // Вопросы языкознания. М., 1994. № 5. С. 28–45.
- Куркина 2018 — Л. В. *Куркина*. К реконструкции этимологического гнезда с основой **telp-* // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. Вып. 18: Этимология. М., 2018. С. 131–142.
- ЛАБНГ, 1 — Лексичны атлас беларускіх народных гаворак. Т. 1. Мінск, 1993.
- Ластоўскі 1924 — В. *Ластоўскі*. Падручны расійска-крыўскі (беларускі) слоўнік. Коўна, 1924.
- Лисенко 1974 — П. С. *Лисенко*. Словник поліських говорів. Київ, 1974.
- Мокиенко, Никитина 2000 — В. М. *Мокиенко*, Т. Г. *Никитина*. Большой словарь русского жаргона. СПб., 2000.
- НГБ VI — А. В. *Арциховский*. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1958–1961 гг.). М., 1963.

- НГБ VIII — А. А. Зализняк. Словоуказатель к берестяным грамотам // В. Л. Янин, А. А. Зализняк. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1977–1983 гг.). Комментарии и словоуказатель к берестяным грамотам (из раскопок 1951–1983 гг.). М., 1986. С. 260–306.
- Николаев 1988 — С. Л. Николаев. Следы особенностей восточнославянских племенных диалектов в современных великорусских говорах. I. Кривичи // Балто-славянские исследования 1986. М., 1988. С. 115–154.
- Никончук 1968 — Н. В. Никончук. Полесские названия птиц // Лексика Полесья: Материалы для полесского диалектного словаря. М., 1968.
- Никончук 1979 — М. В. Никончук. Матеріали до лексичного атласу української мови: Правобережжя Полісся. Київ, 1979.
- НЛ — Народная лексика / Рэд. А. А. Крывіцкі, Ю. Ф. Мацкевіч. Мінск, 1977.
- ОЛА ФГ, 9 — Slovanský jazykový atlas. Foneticko-gramatická série. Sv. 9. Reflexy *tort, *tolt, *tert, *telt, *ort, *olt. / Odp. red. Martina Ireinová, Petra Přádková [= Общеславянский лингвистический атлас. Серия фонетико-грамматическая. Вып. 9. Рефлексы *tort, *tolt, *tert, *telt, *ort, *olt]. Praha, 2019.
- Орел, Кулик 1995 — В. Орел, А. Кулик. Заметки о берестяных грамотах II // Russian Linguistics. 1995. № 19. P. 381–390.
- Попр.—X — А. А. Зализняк. Поправки и замечания к чтению ранее опубликованных берестяных грамот // В. Л. Янин, А. А. Зализняк. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1990–1996 гг.). Палеография берестяных грамот и их внестратиграфическое датирование. Том X. М., 2000. С. 82–122.
- Потебня 1876 — А. А. Потебня. К истории звуков русского языка. Воронеж, 1876.
- Потебня 1879 — А. А. Потебня. О некоторых случаях влияния нёбности на согласные звуки // Русский филологический вестник. Т. II. [№ 3]. Варшава, 1879. С. 1–44.
- Преображенский, 2 — А. Г. Преображенский. Этимологический словарь русского языка. Т. 2. М., 1914.
- ПСРЛ, 2 — Полное собрание русских летописей. Том второй. Ипатьевская летопись. Изд. 2-е. СПб., 1908.
- СВГ, 10 — Словарь вологодских говоров: Учебное пособие по русской диалектологии. Вып. 10. Вологда, 2005.
- Сл. ПЗБ, 4 — Слоўнік беларускіх гаворак паўночна-заходняй Беларусі і яе пагранічча. Т. 4. Мінск, 1984.
- Сл. РЯ XI–XVII вв. — Словарь русского языка XI–XVII вв. Т. 1–. М., 1975–.
- Сл. РЯ XVIII в. — Словарь русского языка XVIII века. Т. 1–. Л./СПб., 1984–.

- Срезневский, III — *И. И. Срезневский*. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. Т. III. СПб., 1912.
- СРГТРМ — Словарь русских говоров на территории Республики Мордовия. СПб., 2012.
- СРНГ — Словарь русских народных говоров. Вып. 1— Л./СПб. — М., 1965—.
- Страхов 1994 — *А. Б. Страхов*. Критические заметки по поводу некоторых черт ‘кривичского’ диалектного наследия в работах С. Л. Николаева // *Palaeoslavica: International Journal for the Study of Slavic Medieval Literature, History, Language and Ethnology*. Cambridge, Massachusetts, 1994. P. 249–311.
- Страхов 2004 — *А. Б. Страхов*. По страницам *Словаря русских народных говоров* (замечания, поправки, соображения) // *Palaeoslavica: International Journal for the Study of Slavic Medieval Literature, History, Language and Ethnology*. Cambridge, Massachusetts, 2004. P. 254–324.
- Тупиков 1903 — *Н. М. Тупиков*. Словарь древнерусских личных собственных имен. СПб., 1903.
- Фасмер, 3 — *М. Фасмер*. Этимологический словарь русского языка / Пер. с немецкого и доп. О. Н. Трубачева. Т. 3. М., 1971.
- Черных, 2 — *П. Я. Черных*. Историко-этимологический словарь современного русского языка. Т. 2. М., 1994.
- Шаповал 2016 — *В. В. Шаповал*. Теория и практика верификации словарных данных на основе источников // Диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук. М., 2016 <http://www.ruslang.ru/doc/diss/shapoval.pdf> [Электронный ресурс] (дата обращения 28.09.2020).
- Шевельов 2002 — *Ю. Шевельов*. Исторична фонологія української мови. Харків, 2002.
- ЭСБЕ XXIX — Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. Т. XXIX: Сахар — Семь мудрецов. СПб., 1900.
- ЭСБМ, 12 — Этымалагічны слоўнік беларускай мовы. Т. 12. Мінск, 2008.
- ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. вып. 1— М., 1974—.
- ЯОС — Ярославский областной словарь: Учебное пособие. Вып. 1–10. Ярославль, 1981–1991.
- Brückner 1910 — *A. Brückner*. Etymologische Glossen // *Zeitschrift für vergleichende Sprachforschung auf dem Gebiete der Indogermanischen Sprachen*. 43. Bd. 4. H. Vandenhoeck & Ruprecht, 1910. S. 301–327.
- Derksen 2008 — *R. Derksen*. *Etymological Dictionary of the Slavic Inherited Lexicon*. Leiden–Boston, 2008.

- Hirtz, H — *M. Hirtz*. Rječnik narodnih zooloških naziva. Knj. II: Ptice (aves). Zagreb, 1947.
- Matzenauer 1892 — *A. Matzenauer*. Příspěvky ke slovanskému jazykospytu // Listy filologické. [Vol.] 19. Praha, 1892. S. 249–256.
- Pedersen 1895 — *H. Pedersen*. Das indogermanische *s* im Slavischen // Indogermanische Forschungen: Zeitschrift für Indogermanische Sprach- und Altertumskunde. Fünfter Band. Strassburg, 1895. S. 33–87.
- Rucner 1970 — *D. Rucner*. Prilog poznavanju narodne nomenklature ptica s područja Konavala (Dalmacija) // Godišnjak Zavoda za Ornitologiju JAZU. Vol. 21–22. Zagreb, 1970. S. 195–196.
- Skok, S — *P. Skok*. Etimologijski rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika. Knj. 3. Zagreb, 1973.
- SP — Słownik prasłowiański. T. 1—. Wrocław [etc.], 1974—.
- Vodopić 1880 — *M. Vodopić*. Popis pučkijeh ptičijih imena // Slovinac. Br. 2. Knj. III. Dubrovnik, 1880. S. 30–33.